

Давид Яковлевич Айзман

Терновый куст

Давид Айзман
Терновый куст

«Public Domain»

1907

Айзман Д. Я.

Терновый куст / Д. Я. Айзман — «Public Domain», 1907

«Мастерская лудильщика в подвале. К двери, ведущей на улицу, восемь ступенек. Другая дверь ведет в спальню, а третья, налево, во двор. Два оконца ниже уровня земли. Небольшой горн, наковальня, несколько старых самоваров и кастрюль; жестянки, котлы, листы кровельного железа. Невысокий шкафчик с оторванной дверцей служит столом. Скамья, два-три табурета. Леа, среднего роста женщина, высохшая, с большими черными глазами, сидит у шкафчика. Шейва, маленькая старушка с круглым лицом и мелкими, незначительными чертами. Суевливая, визгливая, как-то по-детски недалекая, – и это сквозит во всех ее словах и жестах...»

© Айзман Д. Я., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Давид Яковлевич Айзман

Терновый куст

Действующие лица

Самсон – лудильщик, 43 лет.

Леа – его жена, 40 лет

Манус, 19 лет; **Дора**, 18 лет; **Леньчик**, 14 лет – их дети.

Меер – собирает по дворам кости, 63 лет.

Шейва – его жена, родственница Леи, 58 лет.

Берл – работник Самсона, 23 лет.

Коган – богатый человек.

Александр – его сын, студент.

Нейман – студент, товарищ Александра.

Сосед, 35 лет.

Слепая, 25 лет.

Двое рабочих, офицер, солдаты, толпа.

Действие происходит в большом южнорусском городе летом 1905 года.

Действие первое

Мастерская лудильщика в подвале. К двери, ведущей на улицу, восемь ступенек. Другая дверь ведет в спальню, а третья, налево, во двор. Два оконца ниже уровня земли. Небольшой горн, наковальня, несколько старых самоваров и кастрюль; жестянки, котлы, листы кровельного железа. Невысокий шкафчик с оторванной дверцей служит столом. Скамья, два-три табурета. Леа, среднего роста женщина, высохшая, с большими черными глазами, сидит у шкафчика. Шейва, маленькая старушка с круглым лицом и мелкими, незначительными чертами. Суетливая, визгливая, как-то по-детски недалекая, – и это сквозит во всех ее словах и жестах.

Шейва. Такие дети, такие дети!.. Царем не надо быть, когда бог благословит такими детьми, – дай нам бог так здоровья!

Леа. Я в тревоге.

Шейва. Не понимаю: чего тебе еще надо!.. Дорочка твоя – ведь, она как солнце сияет!.. А Манус, послушать только, как он говорит! Жемчуг на серебро сыплется.

Леа. А я в тревоге. Я, Шейва, в тревоге.

Шейва. Возьми Александра Когана: почти доктор, говорит по-немецки, по-французски, по-латински... Сколько потрачено на его книжки, и за один только год, – вы на Мануса не издержали за всю его жизнь, дай нам бог так здоровья! А вчера вот они затеяли спор, и Манус его прямо как курицу под лавку загнал... О чем они спорят, я не знаю – пролетариат туда, пролетариат сюда, – но вижу, что у Мануса каждое слово – искра! Оно горит! Лучи от него... А Александр – он таки козленок.

Леа. Я не знаю... но в сердце моем тоска.

Шейва. И еще я тебе скажу: у Александра с Дорой дело серьезно налаживается. Можешь мне поверить: у меня на это глаз. Я не знаю еще, как она к нему, но что он готов повести ее к венцу хоть завтра – за это я ручаюсь тебе глупой моей головой.

Леа (*встает и испуганно озирается*). В тревоге я, Шейва!.. Не жду хорошего... Что-то преследует... Когда я дома и одна – я плачу, а с людьми я молчу и тоскую. И днем и ночью... И ночью я беспокойна и не сплю.

Шейва. Ты за детей беспокоишься? Все за детей беспокоятся.

Леа. Места себе не найду. Не могу жить.

Шейва. Но ничего ведь не случилось.

Леа. Я не знаю... я не знаю... Может быть, и случилось... Разве я знаю? Разве кто-нибудь знает?.. Может быть, и случилось... (*Пауза.*) Мне кажется, уже случилось...

Шейва. Все это пустяки, дай нам бог так здоровья... Знаю я, что буду танцевать у Доры на свадьбе – вот так вот: гоп-ай, гоп-ай, гоп-ай – и больше ничего.

Леа. Не будет свадьбы. Не будет хорошего... Только мрак, только печали.

Шейва (*укоризненно качает головой*). Глупое ты существо, дай нам бог так здоровья!

Леа. Только мрак. Только печали.

Входят Манус и Ленчик. Манус – худой, сутулый юноша, с едва заметными усиками. Ленчик – шустрый мальчуган, очень любит хмурить брови и принимать серьезный вид, но часто делает это некстати, и оттого выходит смешно. В синей косоворотке.

Манус (*весело, ласково*). Вот, мама, я пришел. Ты уже соскучилась, да?

Леа (*печально улыбаясь*). Разве это скука, Манус? Это другое, это совсем другое... Я сама не знаю, как назвать... И никогда этого не было...

Ленчик. Ну положим! Каждый раз, когда уезжают...

Леа. Так никогда еще не было. Так никогда не было... Сердце у меня между жерновами.

Манус (*с тоской*). Мама, не говори так.

Шейва. И что за разговоры такие! Ну и уезжает... Малюсенький он? Выхватят его?.. Пусть себе едет, без него ярмарок состоится.

Манус. Вот, мама, если бы эти слова ты мне сказала.

Леа (*печально*). А я разве что говорю? Если тебе это нужно, если ты этого хочешь – уезжай... Там, где дети хотят, – сердце матери должно молчать.

Леньчик (*задорно*). Надо, чтобы и рот молчал, вот что!

Шейва. Ты тоже суешься, ты, цуцик!

Леньчик. Конечно!.. Расстраивают Мануса, печальные, угрюмые, вздыхают, стонут... Надо ему – он едет! Чего все вмешиваются!.. Ну идем, Манус, проститься с бабушкой, а потом придешь сюда... слушать, как стонут.

Манус. Мы скоро вернемся, мама. И ты будешь веселая и будешь улыбаться... да?... Правда?... И не грустно будешь улыбаться, не так, как сейчас, а весело... Ты будешь веселой, мама?... Будешь?... (*Ласкается к ней.*)

Леа. Буду, буду, Манус... Скорее возвращайся...

Леньчик (*тащит брата за руку*). Едем, едем... Я ей тут выкину разные штуки, на руках буду ходить и буду петь, как граммофон. (*Подражает граммофону.*) Ничего, развеселю.

Уходят.

Шейва. Дорогой Манус... Золотое дитя...

Леа (*в тоске*). Я не знаю... не понимаю, что это... Он не такой, как всегда... Он как будто особенно ласков, особенно нежен.

Шейва. Ты и на это будешь жаловаться?

Леа (*задумчиво, точно прислушиваясь к чему-то далекому*). Я предпочла бы, чтобы он был груб, резок.

Шейва (*с раздражением*). Не понимаю!.. У нее мозг головой вниз стоит... Слыхали вы такое? Сын у нее добрый, и любезный, и ласковый, – а ей нужно, чтобы он был тигр.

Леа. Что-то странное происходит... Незаметно для самих себя все особенно внимательны к Манусу. Все о нем заботятся, стараются не огорчить его... Отчего?... Леньчик не отступает от него, всюду за ним. Дора не сводит с него глаз. Берл тоже... Александр ловит каждое его слово, и глаза его разгораются... точно он улететь хочет... И соседи приходят, спрашивают о нем... Отчего они приходят, Шейва, отчего они приходят?

Шейва. А, глупости ты спрашиваешь!..

Леа. Что-то случится... Или что-то уже случилось... Ведь никто ничего не знает... Куда-то мы несемся... или на нас что-то несется... Шейва, что-то недоброе идет на нас! Стучит ногами и машет черным покровом... Я жду... Я стою и жду... Куда уйти?... Я стою и жду... И спрашиваю... и спрашиваю... И уже незачем спрашивать. Потому что уже случилось... Уже случилось, Шейва, уже случилось! (*Схватывает Шейву за руку и широко раскрытыми глазами, оцепенев, смотрит вперед.*)

Шейва взволнована, опечалена, но лицо ее выражает и нетерпение и досаду. Минуту спустя в дверях показываются Самсон и Меер. Самсон – высокий человек, худой, с круглой черной бородой, с длинными, тонкими ногами. Меер – маленький старичок, сгорбленный, с огромной седой бородой, смешно торчащей на обеих щеках по сторонам. Замученное, совершенно изношенное существо. Ноги искривлены дугой, одна много короче другой. Сильно хромает.

Меер. Ой, измучился... Проходите, Самсон, проходите... Жара как в Египте, а исходил я верст двадцать. (*Опускает на землю два мешка с костями и садится.*)

Самсон. А заработали?

Меер. А заработал на воду для каши... Ничего, с голоду не умрем.

Самсон. Не с голоду, от истощения.

Меер. Можно лучше сделать? Лучше не сделаешь... Завздохал, застонал, и айда дальше! Фу-ты, как измучился. Душа из тела уходит. Но, прежде чем идти домой, захотел повидать Мануса...

Леа *(в испуге схватывает Шейву за руку)*. Вот видишь, Мануса повидать...

Шейва. Что же ты хочешь? Дядя же, – а Манус уезжает...

Леа. Господи, смилостивься надо мной!

Входит Берл, щекастый мальчик со страшно густыми, торчащими кверху огненного цвета волосами; несет на голове ванну, опускает ее на пол и идет к горну, раздувает мехом огонь.

Шейва *(мужу)*. Иди, иди домой, умоешься хоть.

Меер. Ох подожди... силы нет... *(Он говорит с трудом, как если бы взбежал на гору, отдуваясь и вытирая пот с лица.)* Сегодня по дачам кости собирал... Костей в мешке пуда два... И когда тащишь мешок на спине по солнцепеку, голодный, – а пыль такая, что всего тебя так и засыпает, и еще с каждой дачи выскакивают собаки и хватают тебя за икры, и случается, что дворник замахнет на тебя метлой... ох!.. – так делается сладко, что если бы не седая борода, то лег бы вот так вот среди дороги и заплакал...

Берл. Ну я не заплачу... У меня другие заплачут!..

Меер. Кто же это – другие?

Берл. А вот те, которые так устроили, что человек с седой бородой, и больной, должен по дворам ходить собирать кости...

Самсон. Вся наша жизнь мученическая. Все мы мученики.

Меер. Ничего... Как-нибудь... Завздохал, застонал, и айда дальше!.. И не оглядывайся... Оглянешься – ослепнешь...

Берл. Нет, ослепнут другие. *(С внезапной злобой.)* Глаза я у них вырву, проклятые внутренности я вырву у них!

Меер. Ой, Берл, Берл!.. Научи тебя... А что может ожидать человека, который вот так рассуждает?

Самсон. А что ожидает вас, если вы иначе рассуждаете? А что всех нас ожидает?

Входит сосед с ребенком на руках. Он в опорках на босу ногу, в жилете, без пиджака. Ворот расстегнут, видна грудь. Длинная голова, орлиный кривой нос, в глазах пламя чахотки. Жиденькая бороденка; усов почти нет. Девочка, лет пяти, босая, грязная, заморенная, идет за ним.

Что вот его ожидает или его детей?

Сосед. Меня что ожидает, я давно знаю. *(Кашляет.)* Видите – кровь... Вчера у доктора был... Говорит: «каверна»... Чем занимаюсь, спрашивает. Говорю – латыжник, сапоги лагаю... «Нельзя вам этим заниматься, нельзя сидеть много, нельзя кожей дышать...» *(Кашляет.)* Без него не знаю я...

Леа *(со стоном)*. И он Мануса пришел видеть... И он к Манусу...

Сосед. Ночью я весь мокрый от пота... подушка под головой мокрая... Молоко велел доктор... «Молоко!».. Хлеба достать бы... *(Помолчав.)* Работы нет... силы нет... жить нечем... и умереть нельзя.

Меер. Бог даст, еще поживете.

Сосед. Запретил доктор целовать детей – зараза. И чтоб отдельно жили... Разве ж я могу?.. Вот я ее гоняю от себя – она по двору бегает... А маленький всегда со мной... Как умерла мать, он все со мной... И когда работаю, и вот когда ухожу... Работаешь, а он подле, в корзине спит... Ну конечно, не целуешь... А другой раз не вытерпишь и – в ножку... Дитя ведь, мое ведь дитя... Кровь моя!.. И еще, может быть, только месяц какой-нибудь жить мне и видеть его... *(Кашляет.)*

Самсон. Не может это быть, чтобы жизнь всегда оставалась такой проклятой, такой невыносимой! Все вверх дном должно пойти. Все перевернуть надо!

Меер. А кто сможет это?.. А кто это сделает?

Сосед. Я зашел... я хотел видеть вашего Мануса.

Леа (*быстро поднимает голову, стонет*). Ой, горько мне...

Сосед. Слышал, что уезжает он... Хотел проститься.

Леа. Хочет проститься... Все хотят с ним проститься...

Меер. Что ж, это понятно... Вот Шойлек ведет свою тетку, верно, и она проститься пришла.

Входит босоногий оборвыш-мальчик. Опираясь на его плечо одной рукой, а другой опираясь на высокую палку, входит слепая.

Слепая. Есть тут кто-нибудь? Здравствуйте... Вы здесь, Леа?

Леа. Ой, боже мой! Ой, господи боже мой!..

Слепая. Стонете, Леа?.. Что ж, оно так: стон – наш хлеб. Все мы стонем. И вся наша жизнь – один стон. Один кровавый стон.

Меер. Ну чего еще вы пришли гвозди в сердце вколачивать!

Слепая. Не я вколачиваю их, жизнь вколачивает... Это, кажется, вы, Меер?.. И сколько вколотила она их, что больше уж и места нет.

Сосед. Деточки мои... птичечки мои...

Слепая. Пока была я зрячей – жизнь как будто манила... Все же я целый человек была. Теперь только лохмотья остались...

Сосед. И душа для страдания.

Берл. И рот, чтобы есть.

Слепая. Правда, обедаю детей... И все голодны.

Шейва. В двадцать три года ослепнуть – это таки большое несчастье. Но только в вашей слепоте вы сами виноваты, дай нам бог так здоровья. Знали, что ртуть вредит, – надо было бросить фабрику.

Самсон. Вы, Шейва, всегда умнее всех скажете.

Слепая. Когда ж нужда, когда восьмеро детей у сестры!.. А у мужа ее во время погрома громили обе руки отрубили. Если бы я не работала, всем с голоду надо было бы умереть... Полоскала я глаза, примочки на ночь клала... на молодость надеялась... Не помогло... Глаза вытекли...

Самсон. Когда станешь присматриваться к этому океану страданий, то чувствуешь, как дрожит мозг... Где правда? Где справедливость?

Меер (*нараспев и как бы с удивлением*). Вот вовсе чего вы захотели!

Самсон. Стоны, вопли, преждевременное одряхление, изувеченные члены, изможденные тела уродов. Жизнь более ужасная, чем смерть, и смерть более сладкая, чем радость... Ждешь ее, призываешь смерть, единственного утешителя и друга... Лучшие черты наши стираются, мы становимся злыми, бездушными, жестокими, мы заедаем друг друга, топчем. Звереем все, и даже без пользы для себя делаем зло другим. Измученные, мучаем. Свирепыми делаемся, гнусными. Сносим покорно всякую подлость, всякое преступление. Слабого давим и пресмыкательски улыбаемся злодею – даже когда оно душит нас самих, наших детей... Что такое! Ведь человек, человек это делает!.. И я не понимаю, я не понимаю, как только не сойдешь с ума!..

Меер (*встает*). Когда вы начинаете эти ваши разговоры, то мне кажется, что не двадцать верст я прошел, а двести и что сейчас я упаду.

Сосед. Жить нечем... и умереть нельзя.

Меер. Вот увидите, вы еще долго будете жить.

Берл. Не будет он жить.

Шейва. Молчи, Берл! У тебя сердце полицейского, дай нам бог так здоровья.

Слепая. Берл, вы ошибаетесь: сосед наш жить еще будет. (*Многозначительно.*) И почему – это я знаю.

Берл. А куда его дети пойдут, когда он умрет?

Слепая (*многозначительно, загадочно*). И это я знаю... Когда-нибудь я вам скажу. Позаботятся о детях... И кто позаботится, тоже я знаю.

Леа. Тяжело мне... Страшно мне... (*Выходит.*)

Девочка соседа (*дергает отца за руку и показывает на шкафчик*). Хлеб.

Самсон. Она голодна? Вон и молоко есть. (*Дает девочке молока и хлеба. Та с жадностью ест.*)

Слепая (*задумчиво, медленно, как бы про себя*). Если бы могла я... собрала бы всех страдающих... замученных всех... собрала бы на острове... и остров в море погрузила... Пусть отдохнут...

Берл (*гневно ударяет молотом об наковальню*). Ничего! Заплатят нам! Время уместит придет.

Слепая. Все нищие – благотворители; все паралитики – мстители.

Меер (*махнув рукой*). Сотни лет идет время мести, тысячелетия идет оно – и так же далеко оно теперь, как было при праотце Иакове... Понимаешь?... Понимаешь это?.. Ну и двадцать верст по солнцепеку для старого человека тоже достаточно... Уйду от вас. Ох-хо-хо... (*Берется за мешки.*) И застонать силы нет.

Шейва. Иди уж, иди, богатырь мой! Я мешки возьму. (*Взваливает на себя мешки и вслед за Меером уходит.*)

Слепая. Пойду и я, дома стирка ждет... Кланяйтесь от меня Манусу. Пожелайте ему счастья. Веди меня, Шойлек. (*Уходит.*)

Самсон. Ты самовар Левицким отнес, Берл?

Берл. Сейчас отнесу.

Самсон. Нет, я сам... Давай его сюда. А ты сходи на Долгую улицу, к доктору, там ванну для починки взял – принеси.

Берл уходит. Самсон достает с полки самовар.

Сосед. Я еще зайду к вам, Самсон... Пойду под акацией посижу... Воздух там, и могу дышать... Наелась, дочечка? Крошечки мои... цветочки вы мои... (*Берет девочку за руку и уходит.*)

Самсон с самоваром под мышкой идет на улицу. Минуту сцена пуста. Входят Александр и Дора. Он изящный блондин, в белой тужурке. Она брюнетка, худенькая, с красивыми чертами.

Дора. И вы заметили?

Александр. Еще бы!

Дора. Возбужденный, живой, в глазах какой-то особенный блеск...

Александр. Это минутами, когда прорвется... А вообще – необычайно сосредоточенный, углубленный какой-то.

Дора. Этот неожиданный приезд... и скорый отъезд... И потом... знаете, Манус не так относится к людям, как относился раньше. Мать он целует, ласкается к ней... А вообще это у нас как-то не делается... И со всеми он особенно ласков.

Александр. По отношению ко мне я, действительно заметил это.

Дора. И – что всего необыкновеннее – это то, что и к нему не так относятся, как раньше... Это странно, Александр, это в высшей степени странно. И какое-то особенное дружелюбие питают к нему... Заходят соседи, и мне случалось ловить их взгляды на Манусе – печальные и любящие взгляды.

Александр. Вы знаете, на меня он всегда оказывал огромное влияние.

Дора. Тут что-то таинственное... Всех влечет к нему...

Александр. Теперь особенно.

Дора. Да, теперь особенно... Третий день, как он приехал, и все здесь стало мне казаться значительно важнее...

Александр. Такое же точно впечатление и у меня, Дора. Все как-то выросло в моих глазах. И самого себя я чувствую как бы более важным и ценным. *(Подумав.)* Он что-то важное делает, Дора, огромное... И на меня это действует необычайно.

Дора *(вполголоса)*. Вам не кажется, что он... приехал проститься?..

Александр *(горячо)*. Да-да, Дора! Он за этим приехал!.. Он молчалив – и никогда так не волновал он меня самыми пламенными речами своими, как волнует теперь молчанием... Смотрю я на него, и все он мне кажется там... *(указывает вверх)* высоко... И не могу вам сказать, Дора, до какой степени это меня возвышает... Совсем новые чувства являются, новые мысли. Кажется, даже слова приходят теперь такие, каких никогда раньше не употреблял. Это прямо вдохновение какое-то.

Дора. Это удивительно, Александр, мы с вами переживаем совершенно одинаковые настроения.

Александр. Я вижу, Дора, я понимаю... Манус идет на огромное дело... на великое... на дело, которое принесет сразу смерть и бессмертие. *(Все сильнее и сильнее увлекаясь.)* И я завидую ему. О, как я ему завидую! Всей душой моей радуюсь за него, всем сердцем моим благословляю его – и завидую, завидую безмерно!

Дора *(в радостном изумлении схватывает его за руку)*. Что вы говорите, Александр!

Александр *(воспламеняясь, не слушая ее)*. Завидую!.. Потому что и я хочу! Я тоже хочу большого опасного дела. Я не хочу больше этих хлопот, маленьких страхов, маленьких побед. Я потонуть хочу в самом деле! О, как это хорошо! Сделать шаг, гигантский, безумно смелый, неба коснуться – и затем погибнуть...

Дора. Александр! Александр! *(Потрясенная, сияющая, с выражением торжества схватывает его за обе руки.)*

Александр. В самую пучину хочу я!.. В глубь водоворота... Где мука, где смерть, где следов не останется от человека... Манус идет, и я тоже пойду. Всю тяжесть нашу взвалю на себя и пойду!

Дора. О мой любимый! О мой светлый, чудесный мой друг!

Александр *(пораженный, отступает)*. Что?.. Вы?.. Дора... вы любите?..

Дора. Как ты свое дело, Александр! Как ты свою муку, Александр!

Александр. Дора!.. Счастье мое...

Дора *(отошла. С выражением радостного изумления, точно озаренная, смотрит на него. Говорит медленно, растягивает слова)*. Так вот ты какой?!

Входят Манус и Леньчик.

Манус. А я к вам забежал, Александр... Уезжаю я... и, может быть, надолго... Ах, эти прощания!.. Мучительная вещь... А родителям... тяжело им, Дора?

Леньчик. Ничего, привыкнут... Как говорит дядя Меер: завздыхал, застонал, айда дальше.

Александр. Отец не выказывает печали, но мать, наверное, будет много плакать.

Манус. Много плакать?.. О, да... много плакать... Ах, она будет много плакать.

Входит Леа.

(Бросается к ней и обнимает ее.) Мама, милая... Уже у всех побывал... Мама, не сердись, что я уезжаю. И вообще не сердись... никогда на меня не сердись...

Леа *(печально ласково, сквозь слезы)*. Дитя мое... разве могу я на тебя сердиться? Ты хочешь так – пусть будет так. Ты хочешь навыворот – пусть будет навыворот.

Манус. Я хочу, мама... Я не могу иначе... Вот, я брошу книжку, – она не может упасть на потолок, невозможно это, правда, невозможно, мама?..

Леа (*глядит его по голове, улыбаясь сквозь слезы*). О дитя... Я таки не видела, чтобы книжка падала кверху.

Леньчик. Гладит его!.. Ты бы его на ручки взяла! Ведь он ляля, он детонька, ему лосадку надо.

Манус. Ну вот, ты же сама сказала... Возьми, мама, эту книжку, возьми, спрячь ее... на память.

Дора (*тихо, Александру*). Какой он странный!

Манус. Мама, я так люблю тебя... Силы мои оставляют меня...

Леньчик (*строго, басом*). Не кисни, Манус, не кисни!

Манус. Все мое сердце для вас, вся душа... и я уезжаю...

Леа. Что делать? Ну что ж делать?

Манус. Да-да! Вот так, как ты говоришь, мама: «Что делать, что делать...» Хотел бы – о боже мой, как хотел бы – быть с вами! Жить с вами, с вами работать, с вами горевать, с вами делить ваши бедные радости... Но что делать?.. Вот горн отца... С лишком тридцать лет стоит перед ним отец. Меня не было, ты еще не знала отца, он мальчиком был, когда стал к горну, работал, работал, работал – и что получил?.. Что видел он, кроме голода, унижения, насилия и боли?.. Что узнал он, кроме печалей и ужаса? И вы все, – что знали вы другое, кроме горьких скорбей?.. Ах, что делать, мама!.. Не могу оставаться... Я так хотел бы... Мне дорого здесь все, каждый предмет, каждый гвоздь, каждый обрезок жести, выкроенный рукой отца... Все приросло к моему сердцу и все говорит: «Иди, иди, Манус!..» Горн мне говорит – иди! Сырые стены эти мне говорят – иди! И вся улица и все переулки эти, с черными и смрадными трущобами, мне говорят – иди!.. Ужас, который царит в них, страдания, железной тучей нависшие, тоска и мука каждого камня, все говорит мне – иди!.. На тебя смотрю, мама, на мученическое лицо твое, – громче, чем все, отчетливее, чем все, постоянно, и властно твердит оно: «Манус, иди!»

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Леа (*нежно*). Ты таки совсем дитя!.. Я только одно и думаю, об одном только и молюсь я: останься здесь, никуда не надо.

Манус. Ты говоришь «останься», мама, а я слышу: «Иди, Манус, иди».

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Манус (*со страшной внутренней болью. Как бы для самого себя, как бы позабыл о присутствующих*). Ненавистный путь... проклятый и ненавистный... Но как же иначе?..

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Входит Самсон.

Самсон. А, вернулся наконец... (*Садится.*)

Молчание.

Что ж, не хочешь побыть с нами?..

Молчание.

Хоть немножко еще?..

Молчание.

Дора. Завтра так же не захочется расставаться, как сегодня. Пусть едет.

Самсон (*уныло*). Пусть едет...

Молчание. Входит Шейва.

Шейва. Манус, вот я связала тебе шарф. На зиму.

Александр. До зимы далеко.

Шейва. И летом бывает нужен, если сыро. Ого, еще как!.. А Манус – вы не знаете? – чуть малейшее, и у него насморк.

Дора. Пойдемте, я уложу его вещи.

Шейва. Я ж его хорошо знаю: он о себе никогда не позаботится, не купит. А когда дождь, слякоть – выскочит с открытой шеей, и готово! Горло болит.

Дора (*в нетерпении перебивает*). Где его чемодан?

Шейва. Когда ты дома, ты у меня небольшой пан, заботиться о тебе не очень-то стану. Ну а когда в отъезде... А ну-ка, примерь шарф!.. Ага, небось мягкий. (*Поворачивается к присутствующим.*) Если по два восемьдесят шерсть, то она грубая, трет шею, как войлок... Да ты не ленись, ты примерь шарф.

Манус. Да-да... хорошо, примерю.

Шейва (*весело, горделиво, с сознанием своих заслуг*). Шарф, что это? Стакан чаю? В минуточку выпил, и кончено? Шарф – это надолго... Так уж я себе думаю: пускай шерсть подороже... Что? Непременно надо, чтобы из-за двадцати копеек шею натерло как веревкой?

Дора (*с отчаянием*). Тетя!

Шейва (*все больше оживляясь*). Пожалее я двадцать копеек?.. Шарф – ого!.. Поди-ка, сунься-ка в лавки... Да ты примерь его, примерь!.. Чего ты боишься?.. Это не петля... Давай-ка сюда шею... Давай шею... Чего ты боишься?... Тебя повесить хотят?..

Самсон (*весь бледный, дрожит, в тайном ужасе вытягивается*). Вы уйдете отсюда?.. Уйдете вы?.. (*Выходит.*)

Александр. Вот чемодан.

Манус. Да-да... надо торопиться...

Дора. Я сложу в две минуты... Идемте в спальню...

Все, кроме Александра, уходят в спальню.

Александр. Она меня любит... она меня любит... О радость!..

Входит Нейман

Нейман. А я у тебя был... Шриффт, который у тебя, надо сплавить...

Александр (*тревожно*). А что такое?

Нейман. Ничего... Но следят...

Александр. Так это надо поскорей... надо сейчас...

Нейман. На Загородной улице типография взята... Черепков арестован... а Никита отстреливался и убежал. Надо добыть ему паспорт и ночью выпроводить из города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.